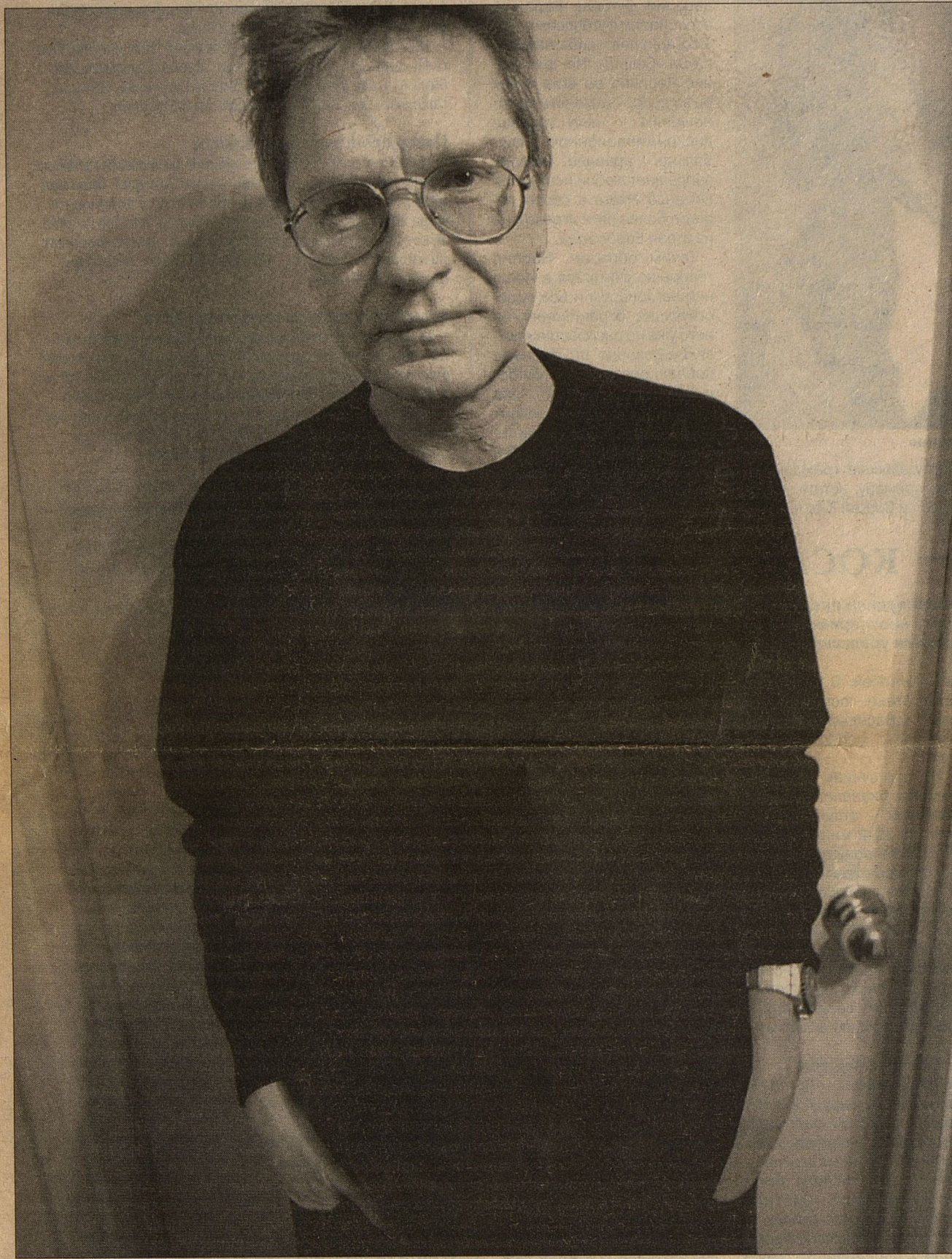

Звезда Давида

На Брайтон-Бич, в шикарном кабаке «Одесса» Лев Александрович Раппопорт отмечал 75-летие. Шел девяностый год, я впервые оказался в Штатах и приглашенный приятелем в настоящий «русский» ресторан во все глаза смотрел на разудалое веселье бывших соотечественников. А Лев Александрович, с которым меня тут же познакомили, во все диоптрии осматривал меня.

«Не беда, когда эстрада приходит в рестораны. Беда, когда рестораны лезут на эстраду»

— Импосибл, ну просто невозможно. Вы из самой Москвы, да? Невероятно. Как там ГУМ? Я тридцать лет был в нем товароведом. И, знаете, костюм, что на мне, тоже из ГУМа. Наш, советский, фабрики «Большевик». Какая шерсть. Таких здесь совершенно нет.

Таких здесь и не могло быть. Темно-синий пиджак товарища Раппопорта в полгруды был завешен орденами планками.

— Четыре ордена, двенадцать медалей, три ранения и одна жена, — гордо сообщила мне Раиса Львовна Раппопорт.

— Я был батальонный разведчик, — несся с эстрады хриплый баритон негаснущей звезды «Одессы» Вилли Токарева, и Лев Александрович радостно соглашался с ним.

— И это так. Я был батальонный разведчик.

Потом за столом он громко рассказывал мне, как мерз в подмосковных сугробах, как чудом выбрался из окружения под Сморгонью и какой красивый город Вена. Уже далеко за полночь, когда Вилли Токарев трижды спел про нью-йоркские небоскребы, про хвост-чешую и московские окна, когда батареи «Столичной» и «Абсолюта» дали последние залпы и гости начали прощаться, Лев Александрович подошел к эстраде:

— Вилличка, а теперь, пожалуйста, нашу.

И стих мгновенно ресторан «Одесса». Пишнотелая аккомпаниаторша Токаре-

ва рубанула по клавишам, и на окраине Нью-Йорка, под звездами чужой страны, сжимая сердце до стенокардии, вдруг понеслись щемящие слова:

— День Победы, как он был от нас далек...

Старый солдат Раппопорт стоял у юбилейного стола и счастливо плакал. И гости старого солдата застыли у юбилейного стола, возбужденно подпевая Вилли, и в глазах гостей стояли слезы. И даже по упитанным щекам хозяина «Одессы» Лео Леонарда («Это наша мафия», — говорил мне про него Раппопорт) пробежали мокрые полоски.

— День Победы, День Победы, День Победы!

...В том же девяностом году автор великой песни,

композитор Давид Тухманов неслышно уехал в Германию. И честно говоря, когда я узнал об этом, мне стало обидно за песню.

— Ей-богу, Давид Федорович, как будто вы ее предали. Ну, в Штаты там или в Англию, во Францию какую-нибудь — это куда ни шло. Но в Германию, ради победы над которой наши деды и отцы полвека назад «Пол-Европы» прошагали, пол-Земли», — как вы могли?

Он лишь развел длинными руками:

— Ну, так по жизни получилось. Мы же столько лет мечтали о хотя бы маленькой калитке в другую жизнь, а тут распахнулись все двери. Как прекрасен этот мир, и вот он весь перед тобой.

Только очень скоро выяснилось, что мы-то этому миру не очень и нужны. Я хотел работать, я хотел делать то, что умею, — писать музыку, заниматься аранжировками на худой конец, я неплохой пианист.

— Так зачем же было уезжать? Девяностый год, свобода, гласность, перестройка. Кобзон — народный депутат. Конеч цензуре, худсоветам.

— Вот потому и захотелось. Старые мелодии освисали, а какими будут новые не понимал никто. А если серьезно, хотелось действительно поработать на Западе, окунуться в иную музыкальную культуру. Это же так важно для собственного творчества. Но никаких конкретных предложений ни из Штатов, ни из вашей «какой-нибудь» Франции не поступало. И только в Германии нашлась приемлемая работа. В Кельне. Вначале в местной музыкальной библиотеке разбирал ноты — жутко интересно, потом занимался аранжировкой, а по вечерам играл в ночном клубе.

Мои глаза раскрылись до бровей:

— Давид Тухманов, любимец миллионов, самый популярный советский композитор последней четверти века — и пианистом в ночном клубе?!

— Зачем ты об этом рассказываешь? Я тебя предупреждала, этих сегодняшних журналистов не музыка твоя интересует, а то, что ты таперил в ночном клубе. Вот это они распишут с удовольствием. — Люба Тухманова (так она представилась сама, категорически отказавшись от отчества) заглянула в гостиную этой новой, еще неустроенной квартиры, которую не так давно они приобрели в Москве явно не вовремя. Давид Федорович даже смутился на неожиданную агрессию супруги.

— Да что же здесь плохого, дорогая. На Западе многие известные артисты выступают в ночных клубах и ничего зазорного здесь нет. Вот и в России нынешние звезды из клубов не вылезают. Не в том беда, когда эстрада приходит в рестораны. Беда, когда рестораны лезут на эстраду. А платили мне в клубе настолько прилично, что я смог купить роскошную студию, оснастить ее великолепной аппаратурой и спокойно заниматься собственной музыкой.

— И в эту студию, между прочим, он ездит на «мерседесе»! — торжествующе сказала Люба и прикрыла дверь.

Ее слова меня не поразили. Подумаешь, «мерседес» — развездная машина российской эстрадной тусовки. Отстали вы, госпожа Тухманова, от наших жизненных реалий.

— И все-таки я не совсем понимаю, Давид Федорович. Вы же действительно были самым популярным композитором

Советского Союза. Ваши песни пела вся страна. Неужели на Западе не знали это имя — Тухманов?

Он жутко развеселился.

— О чем вы говорите? Запад есть Запад, Восток есть Восток. И Запад абсолютно глух к Востоку. Хотя нет, это не совсем так. Классические российские композиторы, классические российские исполнители там известны и любимы. Но российская эстрада для европейцев — черная дыра. А если вы не астрофизик, вам интересна черная дыра?

— Лично мне — нет. Но как-то даже обидно за нее, российскую эстраду. Чем же наш Газманов скачет хуже ихнего Майкла? И ведь читаешь иногда: такая-то звезда с триумфом выступила за рубежами нашей родины. И радуешься искренне за родину и за звезду.

— Вранье. Каждая такая заметка — вранье. Любая суперзвезда российского разлива на Западе не интересна никому. На ее концерты ходят только эмигранты. Вы можете снять зал на двадцать тысяч зрителей в Атлантик-Сити и даже заполнить его. Но лишь эмигрантами. И то с годами это сделать все труднее. Недавно в одной газете я прочитал репортаж с такого вот концерта наших звезд. Он смешно заканчивался. Две старушки, которые уже лет по тридцать прожили в Америке, делились впечатлениями. «Неплохая самодеятельность», — сказала одна другой. И ведь была права.

— Ну да, конечно, молодежь... Куда ей, нынешней. Вот в наши годы было все не так.

— А вы правы. В наши — все не так. Господи, как же мы проклинали всяческие художественные советы, которые, как нам казалось, постоянно наступали на горло нашему замечательному творчеству. И только теперь понимаешь, что в этих советах сидели не только идеологические упыри, но и образованные музыковеды. Которые, как панфиловцы, не пропускали ни в эфир, ни на эстраду открытую халтуру. И был уровень, высокий уровень советской песни. Которая несла людям и любовь, и светлую мечту, задевая самые добрые струны человеческой души. Знаете, в те годы был дефицит всего, а вот дефицита хороших песен не было. Сегодня здесь полны прилавки, а песни стали исчезать. Почему бы? Мне кажется, что тогда в людях продолжала жить пусть наивная, пусть абсолютно нереальная, но вера в лучшее. Сегодня этой веры нет. А значит, нет и песен. Поэтому самый удачный проект российского телевидения — «Старые песни о главном». А новых нет, наверное, потому, что вот с этим «главным» никак не определились.

— Давид Федорович, а вы-то сами каким обра-

30.11.2000

Раппопорт Лев Александрович

зом пришли в эстрадную музыку? Вы же заканчивали Гнесинку как образцовый классик.

— Миша Ножкин — его зaslуга. Хотя, конечно, сочинять я начал с детства. Пьески разные, опусы. До песен, правда, не доходило. А после училища устроился в сборный такой эстрадный коллектив — пианистом. Очень они популярны были в шестидесятые годы. Певцы, танцоры, фокусники и мастера разговорного жанра. Вот таким мастером и был тогда в нашем ансамбле Миша Ножкин — будущая кинозвезда. Он пописывал стихи. И однажды приходит на репетицию и кладет на рояль листок: «Почитай».

«Как всегда до утра мы стояли с тобой, Как всегда было это нам мало. Как всегда позвала тебя мама домой, Я ж метнулся к вокзалу».

Ну и далее печальная история про последнюю электричку, на которую опоздал бедный влюбленный. Пока читал, в голове уже начала возникать мелодия. Через два дня песня была готова. И на наше с Мишкой счастье ее согласился озвучить очень популярный тогда певец Макаров. Песню записали на радио, и к нашему изумлению через пару недель во всех советских ресторанах только и переживали за парня, который топает по шпалам.

Но это изумление не сравнимо с тем, что испытали мы у кассы Всесоюзного агентства по охране авторских прав. Вот это был шок! Мы получили столько денег, что первый месяц я боялся к ним прикасаться. И не потратил ни рубля. А вдруг вскроется ошибка и эти деньги отберут.

Но, знаете, успех окрыляет. Я сел за рояль и сочинил новую мелодию. Такую негромкую, лирическую, как мне казалось, о любви. И попросил Ножкина написать как бы любовное при-

знание, может быть, того, опоздавшего на поезд, парня. «Понял, — сказал Миша. — Будет тебе признание».

«Я люблю тебя, Россия, дорогая моя Русь» — принес мне Ножкин. Клянусь вам, я вовсе не стремился писать патристическую песню, я хотел песню о любви мужчины к женщине, но Мишкино неожиданное признание в любви к родине показало мне таким искренним и так ложилось на музыку, что я сразу согласился. Сейчас модно приписывать нам конъюнктуршину, мол, за Родину хорошо платили. Чепуха все это. Тексты, может быть, и казались конъюнктурными, но чувства наши, эмоции были настоящими. Да, какие-то строчки можно и переписать, но когда недавно на моем юбилейном вечере в зале «Россия» песня прозвучала вновь, зал аплодировал стоя.

— Мне всегда казалось, что ваши первые песни были достаточно традиционными. «Электричку» мог бы написать Аркадий Островский, а песню о Родине — тот же Туликов.

Он даже немного обиделся:

— Песню о Родине Туликов бы не смог.

— Простите, Давид Федорович, я оговорился. Конечно же, не «Родина моя», а песню о России.

И тут Тухманов согласился, что песню «Я люблю тебя, Россия» мог бы написать и композитор Туликов, но уж песню, которую так страстно исполняла Соня Ротару, — да никогда.

— А знаете, как она появилась на свет. В магазине попала на глаза книжка детских стихов Роберта Рождественского. Смешная такая книжка, с объемными картинками. А там забавная считалка: «Я, ты, он, она — вместе целая страна». Здорово, правда. Я представил себе ораву поющих мальчишек и вот эту нашу страну как одну большую веселую семью. И попросил Роберта

дописать считалку. Что он и сделал. Я помню, с какой радостью работала над ней Ротару тогда. И недавно, когда мы с ней перезаписывали эту вещь, я заново и чувствовал, и переживал, и слышал эту радость. Сколько лет прошло, мы уже совсем не молоды, а радость осталась.

— Но я продолжу свой вопрос. Молодой Тухманов поначалу был достаточно традиционен. И вдруг взрыв. Новая, неожиданная музыка: вначале задиристый диск «Как прекрасен этот мир», а за ним и вовсе удивительный «На волнах моей памяти». С Верленом, Ахматовой, Мицкевичем.

— Так ведь все битлы. Мои учителя. Вспомните то время, время «Битлз». Они принесли не только новые ритмы, новое звучание, они принесли новое ощущение музыки. Я из их времени.

— Но вот что интересно, «На волнах моей памяти», я помню, невозможно было купить. Новые тиражи расхватавались мгновенно. А отдельные песни с диска почти не звучали в концертах. Почему?

— А все достаточно просто. В ту пору диски выпускала фирма «Мелодия» — огромный государственный монстр по распространению песен. Но оснащенный такой техникой и аппаратурой, какой концертным залам и не снилось. Естественно, звучание на дисках было неизмеримо выше, чем живьем. Я и решил, — зачем портить впечатление. И отказался от концертного исполнения тех песен. Думаю, был прав. А песни с диска мне нравятся и по сей день, и я могу снова подписаться под каждой нотой.

— Как и под каждой нотой «Дня Победы»?

— Конечно. Там хорошая музыка.

— Разве можно по заказу написать хорошую музыку?

— Во-первых, можно, и Моцарт вам пример. А во-

«Песню о Родине Туликов написать бы не смог»

вторых, откуда пошла эта легенда, что мы с Владимиром Харитоновым писали по заказу? Ничего подобного. Никакого заказа я не получал — имиджем не вышел. Просто шел 1975 год, год тридцатилетия Победы. И было абсолютно искреннее желание что-то сделать во славу этой даты. Ну, хотя бы Марш Победителей. Но я родился лишь в сороковом и знал войну по кинофильмам. Какая она? Мне казалось, как в кино — с бесконечными эшелонами, полустанками, бегущими вслед составам женщинами. Вот такие образы посещали меня. А значит, марш надо писать обязательно в миноре. Как «Прощание славянки». Вы знаете, все западные военные марши написаны в мажоре, и только русские — чаще всего в миноре. Отсюда их берущая за душу пронзительность. Вроде бы и барабаны бьют, и литавры грохочут, а на сердце тревожно.

И не правда, что были с песней жуткие проблемы. В ансамбле Александрова ее приняли сразу. Вот на радио — другое дело. Там действительно какой-то шишке почудился фокстрот. Он и взъерепенился. Но, скорее всего, виноваты мы сами, — выбор первого исполнителя — Сметанникова, наверное, был не совсем удачен. И все лето 1975-го песня почти не звучала. Зато 10 ноября в концерте в честь Дня милиции, который, как всегда, транслировался впрямую и при всем политбюро, на сцену вышел Лева Лещен-

ко. И спел так, как только он один умеет. Говорят, Брежнев плакал.

— И после этого вы стали генерал-композитором Советского Союза?

Он вновь всплеснул длинными руками:

— О чем вы говорите. Я был всегда чужим для власти, и она относилась ко мне крайне подозрительно: чего он там еще насочиняет? Впрочем, я и сам не старался к ней приблизиться. Даже в Союз композиторов вступил очень поздно и то по крайней нужде. Числился тунеядцем. И сколько же раз приходил ко мне участковый с требованием немедленно устроиться на работу!

— Да я же песни пишу, — говорю.

— Песни — это хорошо. А чем занимаешься?

Пришлось вступить в Союз.

— Вот вы пару раз упоминали недавний юбилейный вечер. Я был на нем, видел, с каким восторгом принимал зал все ваши старые хиты, и ей-богу не понимал этих десяти лет молчания. Как будто вы обиделись на песню и с нею вот любимой разошлись.

— С женами расходился, — смеется композитор, — и частенько. С песнями не приходилось. И потом, откуда вы взяли десять лет молчания? Я довольно много работаю. Вот вместе с поэтом Юрием Энтиным мы, например, записали целый детский альбом. Там много смешных и веселых песен, которые ис-

полняют помимо профессиональных певцов известные актеры театра и кино. Такие, как Наталья Гундарева и Людмила Гурченко, Николай Караченцов и Ирина Муравьева. Забавный такой альбом получился. Есть очень интересные театральные проекты. Не хочу о них заранее рассказывать, я человек суеверный. Но меня всегда влекла таинственная магия театра. И музыкальная драматургия. И вполне возможно, что скоро какие-то новые мелодии опять придут к моим слушателям, но только не с эстрады, а со сцены.

— А вот Иосиф Кобзон на том концерте громко заявил, что если и писать кому-то новый гимн России, то только Тухманову.

— Ага, я чуть со стула не упал, когда его услышал. А потом подумал: а неплохая в принципе идея. И почему бы не попробовать?

Наша беседа с Давидом Федоровичем Тухмановым проходила как раз накануне того дня, когда Государственная Дума начала с не привычной для нее резвостью рассматривать проблемы государственного гимна и государственной символики. Спешит Дума, стремится в новый век войти с новой песней. И я боюсь, что не успеет Давид Тухманов написать свой гимн. А жаль, потому что это, наверняка, была бы очень достойная песня. Как все остальные сто, что он для нас написал.

ВАЛЕРИЙ ЛАРИН

«Я всегда был чужим для власти, и она ко мне относилась крайне подозрительно»